

Мнения

Сегодня. - 1993. - 25 мая. - с. 10.

№ 19

Леонид Велехов

аша, мы знакомы много лет, я писал о ваших спектаклях, но никогда не заговаривал о вашей семье, хотя о многом хотелось спросить. Но казалось неэтичным вторгаться в эту тему...

— Мне и самому до некоторых пор это казалось неэтичным. Но в последние годы все это так захватили руками, что вопрос деликатности сделался праздным. Может быть, на самом деле и стоит сейчас поговорить, потому что слишком много возникло вокруг всяких легенд и вранья. Тут на днях приехал итальянский издатель, привез некие «мемуары» отца, которые он собирается публиковать. Во-первых, предположить сам факт существования мемуаров моего отца это примерно то же, что представить себе, что я сочинил трактат по атомной физике. А уж когда я все это начал читать, у меня последние волосы на голове встали дыбом. Это какое-то неслыханное вранье. Василий рассказывает о романах Сталина, о которых он якобы знал все в деталях. Тот, кто это сочинял, даже представления не имеет, какого рода отношения были между отцом и сыном. Василий являлся к Сталину строго по его вызову, входил, вытягивался по струнке, и каждого вызова ждал, едва ли не дрожа. Видел он его редко.

Они жили в одной квартире, но моя мама, к примеру, видела Сталина всего два раза. И страшно боялась с ним встретиться. Однажды, она мне рассказывала, Василий входит в комнату и говорит: «Сейчас Сталин зайдет тебя проведать». Она как была, в одежде, залезла под одеяло, натянула простыню до ушей, лежит, как будто спит. Сталин приоткрыл дверь, посмотрел на нее и ушел.

— А издатель объяснил, откуда эти мемуары взялись?

— Есть такие телевизионные, кажется, режиссеры — Марина Бабак и Ицков. Они в свое время сняли фильм о Жукове, и вот им якобы какой-то охранник передал это сочинение, написанное, вдобавок, на третий день после смерти Сталина. Можете себе представить, в каком отце был состоянии и мог ли сочинять что-либо. К тому же, написано все это как бы в оправдание Сталина. Как Василию могло в голову придти в то время оправдывать Сталина? Тот в этом не нуждался и оставался для сына таким же непогрешимым гением и богом, как и для большинства людей.

— Как складывались ваши отношения с отцом?

— Очень сложно. Это если мягко говорить. Во-первых, я при нем был очень маленьким. Я прожил с отцом до его ареста. Потом я бывал у него в тюрьме, в Лефортово, а затем один раз ездил к нему во Владимир. Потом он вернулся, приехал к нам, жил у нас какое-то время. Общего языка мы с ним не нашли. Теперь уже, когда жизнь идет к финалу и на многие вопросы есть ответы, то я понимаю, что боялся его. И не тянулся к нему. Я очень любил маму и вообще был маленьким сыном. А его не любил. И не думаю, чтобы он меня любил. Хотя он очень хотел сына, и я был желанным ребенком. Но я родился во время войны, ему было не до меня, вообще не до семьи: он все время был на фронте, в Москву лишь наезжал.

А после войны они с мамой разошлись — мама от него ушла, и он оставил нас, меня и сестру, у себя, маме не отдал. Восемь лет мама нас не видела, мы жили с отцом, который за это время сменил двух жен. Одна была очень жестокой женщиной, все свои обиды вымещала на нас, другая была умнее и мягче и, наверное, нас жалела. А отец всегда был очень далеко — на другом этаже дачи, в другом крыле квартиры. Он заставлял меня кататься верхом, а я не хотел — боялся лошади. Футбол я не любил — он посылал меня на футбол в наказание. Было так, что и руку прикладывал, а рука у него была тяжелая. Когда я учился во втором классе, ко мне в школу однажды пришла мама. А поскольку за мной, видимо, следили — или охраняли, — то это стало известно. Отец меня излупцевал и отправил в Суворовское училище. А я ненавидел армию. Я вообще был ребенок, который рос на даче. Как в дворянские времена — смотрел на реку, гулял по лесу, читал книги. И был совершенно не готов к такому повороту своей жизни. Я не понимал, что говорят вокруг меня ребята, потому что все эти термины, связанные, как сейчас бы сказали, с сексуальной жизнью, были мне просто неизвестны. И я, конечно, был там белой вороной. Я прочуился бедой, потом попал на год в больницу. Потом умер Сталин. Мама писала во все инстанции и наконец попала на прием к Ворошилову, который ее помнил. Когда отец пришел из тюрьмы, я уже многое понимал и жалел его. Жалею и сейчас. Наверное, даже больше, чем тогда.

Мне кажется, он был игрушкой в чьих-то руках. От природы он был человеком одаренным, и из него могло что-нибудь получиться. Была в нем и смелость, и отвага, и удалая какая-то. Он мне напоминал Паратова из «Бесприданницы». Но все это осталось нереализованным. После смерти матери — ему было тогда, кажется, тринадцать лет — он попал в руки людей, которых волновала только их собственная карьера. И так это продолжалось на протяжении всей его жизни. Он как-то сказал маме одну такую фразу... Бузил, вел себя неподобающим образом, у них произошел крупный разговор, и он сказал: «Ты, Галия, пойми одну вещь: я жив, пока жив Сталин». Так оно и случилось. Почти сразу после смерти Сталина он оказался под домашним арестом. Потом тюрьма. И в конце концов эта загадочная смерть...

— Вы все-таки считаете, что с его смертью дело нечисто?

— Конечно. Я был на похоронах и своими глазами видел громадные кровоподтеки на запястьях и разбитое лицо. От сердечного приступа этого не бывает. Кроме того, перед тем, как поехать в Казань, он был на приеме у Бакулева — врача, который наблюдал его с детства. И была с ним моя сестра. Так вот, когда Бакулев вышел из кабинета, то даже заплакал. Надежда перепугалась, а он говорит: «Понимаешь, у него забилось сердце, а ноги умирают». Сосуды умирали — от того, очевидно, что он мало двигался в последние годы.

Так вот, только эти два момента — ободранное лицо и голыничная давности бакулевское заключение насчет бычьего сердца — заставляют у многих задуматься. Тем более, что медицинского заключения о смерти никто не видел. Людей рядом с ним находились в последние время крайне сомнительные, в частности, эта медсестра, непонятно откуда взявшаяся. Характер у него был крутой: когда он вышел из тюрьмы, то не желал показывать, что смирился или подчинился. Сколько его ни уговаривали разумные люди, он их не слушал и хотел продолжать жить так, как жил до смерти отца. А так, конечно, не могло продолжаться.

— Он знал что-то такое? Аллилуева пишет, он кричал на похоронах Сталина о том, что отца убили. Возможно, его разоблачений испугались...

— Я не думаю, что он мог что-нибудь знать. Иначе он сказал бы об этом или написал. Где-нибудь это проскользнуло бы. У нас дома было около тысячи его писем, которые вдруг в один день пропали. Это было в конце шестидесятых годов, а может, в начале семидеся-

зуют ахматовский образ — «под Созвездием Змея»?

— Лена, вы, наверное, много знаете, а из того, что не знаете, многое можете себе представить, живя в этой стране. Могла она складываться просто?

Для меня мир переворачивался очень много раз. Он перевернулся, когда мне было четыре с половиной года и вдруг исчезла мама. Он снова перевернулся в пятьдесят третьем году, когда умер Сталин и я вернулся к маме. Это было для меня возвращением к нормальной жизни. Потом стали приходить из тюрьмы Аллилуевы, которые сидели все до одного. Стали что-то говорить, рассказывать. Поскольку я рано никог-

да спать не отправлялся, я все это слушал. Потом стали приходить мамини подружки-однокурсницы, которые тоже сидели почти все. Из этого начал складываться уже другой, чем прежде, взгляд на бабушку, на папу, на время. Начали шевелиться мозги. Потом XX съезд, когда у нас по три месяца молчал телефон. Или кто-нибудь звонил и робко говорил: «Галия, это ты? Вы живы, с вами ничего не случилось?» Потом пришлось уйти из школы — директриса оказалась чересчур ретивой проводницей линии партии. И так было на каждом шагу.

— Я слышал про ваше нелегкое поступление в ГИТИС...

— Оно могло быть нелегким, но не стало, потому что мне встретила Мария Осиповна Кнебель. Она мне потом рассказывала, что ей все уши прожужжала: это-де внук Сталина. «А у меня, — говорит, — одна мысль в голове: в моих руках судьба человека. Все вспомнила — свои боли, судьбу брата. А когда вы стали читать, я подумала: «старая дура, что же ты задумала?» А когда закончили читать, у меня было одно желание: полойти, по голове поглядеть или поцеловать...» И она-то, Мария Осиповна, из жуткого моего комплекса меня и вытаскивала. Хотя, конечно, мета все равно на всю жизнь осталась.

Я ведь, понимаете, Лена, совсем другой был человек. Не те у меня гены, не фамильные. Были, по крайней мере. Сейчас-то я такой же стервец, как все. А тогда я был другим мальчиком. Я, например, стеснялся, что живу в таком доме. Завидовал своим школьным приятелям, которые жили в бараках. Я сейчас читаю Шейфа, «Мария Антуанетту». Он там пишет, что дети, которые живут в богатых

— Маме вообще было не свойственно подчинять кого-то своему мнению. Она слишком много пережила и хлебнула, чтобы навязывать другим свою волю. К тому же, когда мы после восьмилетней разлуки встретились, мы вынуждены были заново привыкать друг к другу. И долгое время относились друг к другу как друзья. У нее был свой счет к Сталину, но я не помню, чтобы она говорила о нем критически. У нас из-за этого бывали споры. Я совершенно не принимал Сталина, а у нее на все был свой взгляд. Отца она простила. А Сталина никогда не обвиняла в своей судьбе. Может быть, она считала, что благодаря Сталину уцелела. Он, говорят, сказал в свое время: «Светлану и жену Василия не трогать».

— Мы говорили о трудностях вашей судьбы, о том, что вас ассоциировали с делом, и ненависть к нему распространялась на вас. Но ведь было и есть другое, противоположное отношение, и его лучи, очевидно, тоже на вас падали. Сталинисты пытались вас приручить, ангажировать,

пинаю, хотя мне же и больно! А если серьезно... Он был одержим своими идеями — и я одержим. Воля у меня есть. Характер очень тяжелый. Но, повторяю, Сталин не герой моего романа, ни в какой степени. Он собирает в себе все, что я не терплю.

— Вы когда-нибудь ощущали его как своего родственника?

— Никогда. Для меня он всегда оставался мифом. Хотя я получал письма о том, что вот, мол, какой вы неблагодарный, я-то помню, как ваш дедушка с вами играл и так вас любил, когда вы были маленьким.

— Разве он вас когда-нибудь видел?

— Нет, конечно. К счастью для меня. Потому что если бы он мной занимался, у меня, может быть, и возникло какое-то родственное чувство к нему. Кроме того, смею думать, я никогда на этом родстве не играл. В жизни оно мне только мешает. В профессии, например. Скажем, Никола Александровна Велехова называет меня в ряду интересных современных режиссеров, а Борис Михайлович Погорельский тут же пишет в своей статье, что этого делать не стоило. Это для меня было как пощечина. Мелочи, ко-

своего деда. И был в этом честен — в партию так и не вступил, как меня не уламывали.

— Вы обмолвились, что могли бы поставить спектакль о Сталине...

— Не надо. Хотя мне много таких вариантов предлагают, особенно из-за границы. То, что я вам сказал, давайте будем считать лишь образом. Все равно такой пьесы при моей жизни никто не напишет. Должно пройти время.

Я все думаю, что нельзя прожить, пролив столько крови, в том числе своих близких, и ни разу при этом не махнуть в нее свою душу. Вот об этом и могла бы быть пьеса...

И еще одно меня занимает: тайна этой славы, прижизненной и посмертной. Она, я думаю, в че-

Реверс

Под Созвездием Змея

Александр Бурдонский — нелюбимый внук Иосифа Сталина

Меня увлеч фигурой бабушки невозможно. Хотя, конечно, раньше у меня была более непримиримая точка зрения. Сейчас, когда прошло время, я стал старше и понимаю природу, из которой выросло это явление. Если бы был гениальный драматург, который написал бы про него, я хотел бы поставить эту пьесу.

ВАСИЛИЙ СТАЛИН С СЫНОМ

сделать из вас нового Орленка?

— Пытались. Но ведь с меня там же и слезешь, где сидеть. Я, в отличие от мамы, ничего не забыл. Свои обиды я могу простить — полюсь, обижусь, потом забуду. Но ее жизнь я им простить не могу. Ни отцу, ни тем более Сталину. Меня увлеч фигурой бабушки невозможно. Хотя, конечно, раньше у меня была более непримиримая точка зрения. Сейчас, когда прошло время, я стал старше и понимаю природу, из которой выросло это явление. Если бы был гениальный драматург, который написал бы про него, я хотел бы поставить эту пьесу. Мне кажется, я понимаю корни — это сплетение безусловной одаренности и физической ущербности. Это, конечно, все по круту идет: сунуть нос в «Ричарда Ш». Желание власти, стремление подняться к Богу, сначала в одном качестве, потом в другом... Все-таки, я убежден, он личность исключительная. Страшная, черная, но исключительная. Все эти идеи насчет раздувшегося ничтожества, конечно, чепуха.

Так же, как я безусловно убежден, что в этой кровавой драме Сталин был все-таки актером, а режиссером — Троцкий. Этот характер, подозрительность, эту черную кровь, которая ходила в его жилах, Троцкий, даже уехав за границу, постоянно провоцировал, твердя, что в армии все его люди, интеллигенция вся за него, и т. п. Он ставил, режиссировал весь этот террор.

— Чего ради?

— Он хотел царства. Его не получил. Тогда остался заместитель: власть над властителем. Моральное, психологическое давление, которое направляло действия властителя. Вот если бы все это вошло на некую мировую оркестру...

При этом оправдывать Сталина я не могу и не хочу. И не только потому, что вся наша семья и Аллилуевы прошли все круги ада вместе с Россией. И эти круги до сих пор не закончились.

— Что значит: не закончились?

— По-вашему, какой-то рок довлеет над вашей семьей? — Безусловно. Что вы думаете: все проклятия ушли в космос? Поэтому, знаете, когда у меня бывают, как у всякого, ситуации, в которых хочется забунтоваться, в том же театре, например, я всегда думаю, что не имею права этого делать. Мне дважды предлагали пост главного режиссера. У меня хватало ума отказать. У меня нет желания никак руководить. — И тем не менее, какие-то сталинские гены вы в себе чувствуете? — Наверное. Споткнулся о науку и ее же изо всей силы ногой

нечно, но ведь из них состоит наша жизнь. Может быть, я за кого-то расплываюсь. Так и должно быть, тут ничего не поделаешь.

— До какой степени история вашей семьи повлияла на ваше творчество?

— Что ж, по примитивному рассуждению внук Сталина и должен был пойти в театр, не так ли? Да еще непременно режиссером — ставить спектакли, повелевать... А если серьезно, то думаю, что меня очень сильно ушибла разлука с матерью и вообще ее судьба, и это отразилось в моих спектаклях. В их центре всегда должен стоять женский характер, сильный или слабый. Ну и, наверное, я не случайно так редко обращаюсь к политическому театру. Только в «Мандате» и вот недавно, в «Бриллиантовой орхидее».

— «Из жизни», мне кажется, ваша вечная тема человеческого одиночества, постоянного сопротивления одиночки всем и вся.

— Только скорее противостояния, а не сопротивления. Вы знаете, Лена, однажды я увидел свою жизнь в кино. В Доме кино шел какой-то югославский фильм. И вот там в одной из сцен дело происходит на птицефабрике, работники скарлатина, а он карабкается наверх. Его снова сбрасывают, а он все равно пытается подняться...

— И что же, поднимается?

— Конечно. Иначе не было бы фильма. Параллелей с «Покаянием» проводить по моему мнению не нужно. Я — нелюбимый внук и к тому же никогда не верил в идеи

человеческой тоске по вере. Именно по вере. Ведь что такое тоска по власти, по сильной руке, как не сублимация тоски по вере? Это, конечно, чисто наше, российское.

Когда я репетировал «Годы странствий». Мария Осиповна посмотрела и сказала: все прекрасно, но недостает широты охвата. И рассказала, как встретила однажды Бориса Пастернака — бежит чуть ли не вприпрыжку по улице Горького и сам с собой разговаривает. Она его остановила: «Боря, что с вами?» — «Понимаете, Маша, я недавно получил государственный заказ: написать о Зое Космодемьянской. Ломал голову: ну что о ней можно написать? Девочка-комсомолка, которая умерла с именем Сталина на устах. Но для работы меня допустили к секретным архивам. И тут я узнаю: ее отец — враг народа, расстрелян. И вот я сейчас думаю: что же такое был ее подвиг? Видимо, вовсе не то, что из него избирают. Может, она не верила, что отец виноват, и хотела таким образом доказать его невиновность. Может, это была ее месья, а может, жертва. Поди пойми...»

Почему сейчас такое количество людей ходит со сталинскими портретами? Я понимаю — старшее поколение. Но молодежь! Я встречаю много молодых людей, которые говорят: Сталин это личность, это фигура. Когда я это слышу, меня озноб по спине пробегает. Значит, в обществе снова нарождается потребность в Сталине. Мне запала в память недавнее сказанная кем-то фраза: «Россия в муках рождает тирана». Родит и будет его избирать некоторые время. Все-таки обрывает некоторую страну. Ничему ее история не учит.

ИОСИФ СТАЛИН С СЫНОМ

тых. Мы еще на Колхозной жили. Воры ворвались в дом и украли мой старый рваный спортивный костюм и все письма. Больше ничего не тронули — такая вот странная кража...

А что он кричал... Был пьян. А потом, может быть, как и многие люди, не верил, что Сталин может так вот просто умереть. Боялись ли его? Не думаю. Скорее, долгое время не знали, что с ним делать. И потом у них самих было сознание «повернутое». Им, возможно, казалось, что он может что-то унаследовать. Толпы боялись, которую такая фигура могла вдохновить.

— Саша, а как ваша собственная жизнь складывалась — испол-

дома, очень тоскуют по улице. Это про меня. Когда меня на машине в школу везли, я умолял шофера раньше меня высадить, чтобы одноклассники не были свидетелями моего особого положения.

Мне трудно было выходить из своего внутреннего закута и входить в эту жизнь. Трудно до сих пор. Хотя, я говорю, Мария Осиповна знала многие пути и дала мне право думать, что я это я. Мама и Мария Осиповна — это два человека, которые меня сделали. Хотя, к счастью, я встретил в жизни много хороших людей.